

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сэр Питер Тизл.
Сэр Оливер Сэрфес.
Джозеф Сэрфес.
Чарлз Сэрфес.
Крэбтри.
Сэр Бенджемин Бэкбайт.
Раули.
Мозес.
Трип.
Снейк.
Кейрлесс.
Сэр Хэрри Бэмпер.
Леди Тизл.
Мэрайя.
Леди Снизуэл.
Миссис Кэндэр.
Гости, служанки, слуги.

Место действия — Лондон.

ПОРТРЕТ,

*посылаемый миссис Крю¹,
вместе с комедией «Школа Злословия»,
Р. Б. Шериданом*

Вы, вскормленницы Школы Клеветы,
Доведшие поклеп до красоты,
Ужели нет на свете ни одной,
Настолько милой и совсем иной,
Чтоб даже вы хвалу воздали ей
Безмолвием и завистью своей?
Сейчас живой предстанет образец
На суд суровый ваших злых сердец.
Решите сами, верен ли портрет,
Иль то Любви и Музы легкий бред.
Сюда, о племя многомудрых дев,
О сонм матрон, чей беспощаден гнев,
Чей острый взгляд и хмурые черты
Не терпят юности и красоты,
Вы, по природе хладные своей,
Вы, в долгом девстве лютые, как змей, —
Сюда, о мастерицы сплесть навет,
Создать улики, если слухов нет!

---

¹ *Френсис Энн Крю*, рожденная Грэвилль, в чьем доме собирались знаменитейшие люди Англии, славилась столько же умом, сколько замечательной красотой. Рейнольдс написал три ее портрета. (*Примеч. перев.*)

О вы, чья память, сторожа порок,
Все, кроме факта, знает назубок!
Сюда, о клеветницы, стар и млад,
Ходячее злословье, станьте в ряд,
Чтоб нашей теме был противовес,
Как гимну — пасквиль, как святому — бес.
Ты, Аморетта (это имя нам
Уже знакомо по другим стихам),
Приди и ты; пусть милый жар ланит
Твою улыбку робко оттенит,
И, с нежно-неуверенным лицом,
Мне послужи желанным образцом.
О Муза, если б ты создать могла
Хоть слабый очерк этого чела,
Счастливой кистью вызвать на мольберт
Хоть бледный отсвет этих чудных черт.
Поэты бы воспели гений твой,
И Рейнольдс бы склонился головой,
Он, в чьем искусстве более чудес,
Чем в чудесах Природы и Небес,
Он, взору Дэвон давший новый жар,
Ланитам Грэнби — прелесть новых чар!
Нелегкий подвиг — дань хвалы принесть
Красе, чей разум презирает лесть!
Но, славя Аморетту, прав весь свет:
Пред нею, как пред Небом, лести нет,
И, прихотью судеб, она одна
Правдивость нашу отрицать склонна!
От мод не краше, крася их сама,
Проста влеченьем вкуса и ума,
Скромна в движеньях, чуждая вполне
И сухости, и буйных чувств волне,
Она не ходит, на себя надев

Лицо богинь иль облик королев.
Ее живая прелесть всякий раз
Не поражает, а пленяет нас;
То не величье, но ее черты
Мы не измерим мерой красоты!
Природный цвет ее ланит так жив,
Что, создавая это диво див,
Вполне бы мог божественный творец
На них бледнее наложить багрец,
Велев затворнице прелестных стен —
Стыдливой Скромности — служить взамен.
А этих губ кто воспоет вино?
Лишите их улыбки — все равно!
Сама Любовь как будто учит их
Движению, хоть не звучит на них;
Ты, видящий, не слыша, эту речь,
Не сожалей, что звук не мог дотечь;
Смотря на эти губы, ты всегда
Беседу их постигнешь без труда:
Они повиты прелестью такой,
Что полон думы самый их покой!
Но если взглянешь на игру лучей
Волшебно-нерешительных очей,
Следя, как часто, манием ресниц,
Бывает прерван пламень их зарниц,
Ты в них увидишь: крошка Купидон,
Своей опасной должностью смущен,
То скроет, то откроет дивный луч,
Который взорам смертных слишком жгуч.
От этих стрел, ласкающих разя,
В беззлобных ямочках спастись нельзя.
Хотя бы сердце в ней и не могло
Жестоким гневом ополчить чело,

Я кознями Любви поклясться рад —
Ее улыбка гибельней стократ!
При виде той, что получила в дар
Всю полноту, всю яркость женских чар,
Мы были бы должны тщеславный нрав
Отнести к числу ее природных прав.
Но Аморетта, в милой простоте,
Сама своей не верит красоте
И стрелы чар, разящие кругом,
Невинно хочет оперить умом:
Всех женских знаний совмещая груз,
Воспитанница Грэвиля и Муз,
Любя учиться, помня грань пути,
Докуда можно женщине идти,
Она бы Фебу, если б встарь жила,
Не жрицей, а возлюбленной была,
С застенчивою робостью очей
И кроткою покорностью речей;
Как ни разумно говорит она,
В ней словно неуверенность слышна;
И, этой женской прелестью дыша,
Как разум мил, как мудрость хороша!
Ее дары, ее душевный склад
О сердце, дружном с мыслью, говорят:
Веселость, оттененная мечтой,
Насмешливость в союзе с добротой,
Брезгливость, скрытая не без труда,
Страх пред талантом, чем она горда.

Умолкни, Муза! Песнь свою прерви
И похвалу бессильной назови;
Поэзия достигнуть не могла
Ее достоинств, но твоя хвала
Смутила хор завистниц красоты

И омрачила царство Клеветы!
Все эти ведьмы, черствым языком,
Шипят, что этот облик им знаком,
И называют ту, кого пою,
Вас, мой прообраз и мой гений — Крюю!

ПРОЛОГ,

написанный мистером Гарриком¹

«Школа злословья»? Полно! Неужели
Без школы мы злословить не умели?
Какие тут уроки могут быть?
Еще бы нас учили есть и пить!
Когда красавиц наших, ту иль эту,
Тревожит печень, — дайте им газету:
В ней сильнодействующих — quantum satis;
Чего бы вы ни пожелали — нате-с.
«О боже!» — леди Уксус (что не прочь
За картами прощелбетать всю ночь),
К полудню встав, свой крепкий чай мешает
Со сплетнями: «Как это освежает!
Дай мне газету, Лисп, — как хорошо!

(Отхлебывает.)

Вчера лорд Л. (отхлебывает) был пойман

с леди О.

Как это помогает от мигрени! (Отхлебывает.)
*Хоть миссис Б. и опускает шторы,
Сквозь них легко проникнут наши взоры.
Да, это зло; жестокая заметка;*

---

¹ Дэвид Гаррик (1717–1779) — знаменитый актер. Он был одним из совладельцев и директором театра «Друри-Лейн» в Лондоне. В 1776 году он покинул сцену и продал свой пай Шеридану, который с этих пор стал во главе театра.

Но, между нами (отхлебывает), право, очень метко.
Ну, Лисп, читайте вы, отсюда вот!» —
*«Так-с! — Пусть лорд К., тот самый, что живет
На Гровнор-сквер, себя побережет:
Хоть леди У. он и дороже сына,
Но уксус горек».* — «Это я! Скотина!
Сейчас сожгите, и чтоб в дом мой эту
Впредь не носили подлую газету!»
Так мы смеемся, если кто задет;
А нас заденут — смеха больше нет.
Ужель наш юный бард так юн, что тщится
От моря лжи плотиной оградиться?
Иль он так мало знает грешный мир?
С нечистой силой как вести турнир?
Он биться с грозным чудищем идет:
Срежь Сплетне голову — язык живет.
Горд вашей благосклонностью былой,
Наш юный Дон Кихот вновь вышел в бой;
В угоду вам он обнажил перо
И жаждет Гидре погрузить в нутро.
Дабы снискать ваш плеск, он будет, полон пыла,
Разить — то бишь писать, — пока в руке есть сила,
И рад пролить для вас всю кровь — то бишь
чернила.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У леди Снируэл.

Леди Снируэл перед туалетом;
Снейк пьет шоколад.

Леди Снируэл. Так вы говорите, мистер Снейк, что все заметки сданы в печать?

Снейк. Сданы, сударыня; и так как я сам переписывал их измененным почерком, то никто не догадается об их источнике.

Леди Снируэл. А распространили вы известие о романе леди Бритл с капитаном Бостолом?

Снейк. Здесь все обстоит как нельзя лучше. Если не случится ничего непредвиденного, то, по моему, через сутки эта новость достигнет ушей миссис Клэккит; и тогда, как вам известно, можно считать, что дело сделано.

Леди Снируэл. Да, конечно, у миссис Клэккит очень недурные способности и большая опытность.

Снейк. Совершенно верно, сударыня, и в свое время она действовала довольно удачно. По моим сведениям, она была причиной шести расстроенных свадеб и трех отказов сыновьям в наследстве; четырех насильственных похищений и стольких же тюремных заключений; девяти отдельных жительство и двух разводов. Я не раз обнаруживал, что на страницах «Города и провинции» она устраивала tête-à-tête'ы лю-

дям, которые, вероятно, за всю свою жизнь ни разу друг друга в глаза не видели.

Леди Снiruэл. Она, несомненно, талантлива, но у нее тяжеловатые приемы.

Снейк. Вы совершенно правы. У нее бывает хо-рош общий замысел, она обладает даром слова и сме-лым воображением, но колорит ее слишком темен, а рисунок по большей части экстравагантен. Ей не-достаёт той мягкости оттенков, той приятной улыб-ки, которые отличают злословие вашей милости.

Леди Снiruэл. Снейк, вы пристрастны.

Снейк. Ничуть. Все утверждают, что одним лишь словом или взглядом леди Снiruэл достигает боль-шого, чем другие самой тщательно разработанной сплетней, даже когда им удастся подкрепить ее кру-пицей правды.

Леди Снiruэл. Да, мой милый Снейк, и я не стану отрицать, что меня радуют плоды моих стараний. Уязвленная в ранней молодости ядовитым жа-лом клеветы, я не знаю большего наслаждения, чем низводить других до уровня моей опороченной ре-путации.

Снейк. Это вполне естественно. Но, леди Снiruэл, в одном случае, который вы недавно мне дове-рили, я, говоря откровенно, затрудняюсь понять, чем вы руководствуетесь.

Леди Снiruэл. Вы разумеете моего соседа, сэ-ра Питера Тизл, и его семейство?

Снейк. Вот именно. Там имеется двое молодых людей, для которых сэ-р Питер после смерти их отца был чем-то вроде опекуна. Старший обладает отмен-нейшими качествами и пользуется наилучшей сла-вой, младший — самый беспутный и сумасбродный юноша во всем королевстве, без друзей и правил. Пер-

вый — признанный поклонник вашей милости и, по видимому, ее фаворит; второй ухаживает за Мэрайей, воспитанницей сэра Питера, и она его, несомненно, любит. И если принять все это в соображение, я решительно не могу понять, почему бы вам, вдове человека с именем, состоятельной женщине, не соединить свою жизнь с таким достойным и многообещающим человеком, как мистер Сэрфес, а главное — почему вы так настойчиво стремитесь разрушить взаимную привязанность, которую питают друг к другу его брат Чарлз и Мэрайя.

Леди Снируэл. Так вот, чтобы вы разгадали эту загадку, я должна вам сказать, что в моих отношениях с мистером Сэрфесом любовь совершенно ни при чем.

Снейк. Как так?

Леди Снируэл. Он влюблен в Мэрайю, или в ее приданое. Но, встретив в своем брате счастливого соперника, он был вынужден скрыть свои намерения и прибегнуть к моей помощи.

Снейк. Но почему вы заинтересованы в его успехе? Для меня это непонятнее всего остального.

Леди Снируэл. Какой вы тугодум! Неужели вы не догадываетесь о сердечной слабости, в которой я до сих пор стыдилась открыться даже вам? Вы хотите, чтобы я призналась, что Чарлз, этот гуляка, этот расточитель, промотавший и состояние, и доброе имя, и есть причина моих тревог и моей злобы и что я готова пожертвовать всем, чтобы завоевать его?

Снейк. Теперь действительно ваше поведение представляется последовательным. Но что же вас сблизило с мистером Сэрфесом?

Леди Снируэл. Взаимная выгода. Я разгадала его давно. Я знаю, это хитрый, себялюбивый, ковар-

ный человек — словом, сладкоречивый плут; тогда как сэр Питер да и все знакомые видят в нем юное чудо нравственности, здравомыслия и доброты.

Снейк. Да. Сэр Питер клянется, что равного ему нет во всей Англии, и превозносит его прежде всего как человека высоких чувств.

Леди Снiruэл. Это верно, и с помощью высоких чувств и лицемерия он всецело склонил сэра Питера на свою сторону в вопросе о судьбе Мэрайи, тогда как у бедняги Чарльза нет ни одного друга в доме, хотя, я боюсь, у него есть могущественный союзник — сердце Мэрайи. Против него-то мы и должны направить наши усилия.

Входит слуга.

Слуга. Мистер Сэрфес.

Леди Снiruэл. Попросите сюда.

Слуга уходит. Входит Джозеф Сэрфес.

Джозеф Сэрфес. Дорогая леди Снiruэл, как сегодня ваше самочувствие? Мистер Снейк, ваш почтеннейший слуга.

Леди Снiruэл. Мистер Снейк как раз подтрунивал над нашей взаимной привязанностью, но я разъяснила ему наши истинные виды. Вы знаете, как он был для нас полезен, и смею вас уверить, что такая откровенность более чем уместна.

Джозеф Сэрфес. Сударыня, я бы никогда в жизни не усомнился в таком чувствительном и благородном человеке, как мистер Снейк.

Леди Снiruэл. Оставьте комплименты и лучше скажите мне, когда вы видели вашу возлюбленную Мэрайю или, что для меня гораздо существеннее, вашего брата.

Джозеф Сэрфес. С тех пор как я с вами расстался, я их не видел; но я могу вам сообщить, что они больше не встречаются. Некоторые ваши рассказы произвели на Мэрайю должное действие.

Леди Снируэл. Ах, дорогой мой Снейк, это ваша заслуга! А как дела вашего брата? Идут все хуже?

Джозеф Сэрфес. С каждым часом. Мне говорили, что вчера у него опять описывали имущество. Словом, его мотовство и легкомыслие превосходят все, что я когда-либо слышал.

Леди Снируэл. Бедный Чарлз!

Джозеф Сэрфес. О да, сударыня! Несмотря на его пороки, его нельзя не жалеть. Я был бы рад, если бы мог хоть чем-нибудь ему помочь, потому что человек, бесчувственный к несчастиям брата, хотя бы они были порождены беспутством, заслуживает...

Леди Снируэл. О боже! Вы собираетесь читать нравоучения и забываете, что вы среди друзей.

Джозеф Сэрфес. Да, вы правы. Это изречение я приберегу для сэра Питера. И все-таки было бы добрым делом спасти Мэрайю от этого гуляки, который если и может быть исправлен, то только особой, обладающей вашими высокими достоинствами и умом.

Снейк. Леди Снируэл, мне кажется, к вам кто-то пришел. Я пойду переписать письмо, о котором я вам говорил. Мистер Сэрфес, мое нижайшее.

Джозеф Сэрфес. Сэр, мое глубочайшее.

Снейк уходит.

Леди Снируэл, я очень жалею, что вы оказываете доверие этой личности.

Леди Снируэл. Но почему?

Джозеф Сэрфес. Я недавно обнаружил, что он часто беседует со старым Раули, который был дво-

рецким у моего отца и, как вам известно, никогда не принадлежал к числу моих друзей.

Леди Снiruэл. И вы думаете, он может нас выдать?

Джозеф Сэрфес. Несомненно. Я вам ручаюсь, леди Снiruэл, у него не хватит честности быть верным даже собственному негодяйству. Ах, Мэрайя!

Входит Мэрайя.

Леди Снiruэл. Мэрайя, дорогая моя, здравствуйте! Что случилось?

Мэрайя. Ах, там к моему опекуну пришел этот противный мой поклонник, сэр Бенджемин Бэкбайт, со своим отвратительным дядюшкой, Крэбтри. Я потихоньку скрылась и прибежала сюда, чтобы их не видеть.

Леди Снiruэл. Только и всего?

Джозеф Сэрфес. Если бы вместе с ними явился мой братец Чарлз, вы, вероятно, не были бы так испуганы.

Леди Снiruэл. Как вы несправедливы! Смею вас уверить, что все это не так: просто Мэрайя узнала, что вы тут. Но, дорогая моя, что же такое сделал сэр Бенджемин, что вы его так избегаете?

Мэрайя. Ах, он ничего не сделал, но он слишком много наговорил. Его разговор — это сплошной пасквиль на всех его знакомых.

Джозеф Сэрфес. Да, и хуже всего то, что нет никакой выгоды не быть с ним знакомым, потому что он совершенно так же готов очернить постороннего, как и лучшего своего друга; и дядюшка у него точно такой же.

Леди Снiruэл. Но нельзя все-таки отрицать, что сэр Бенджемин остроумный человек и притом поэт.

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

Перевод М. Лозинского 5

ДУЭНЬЯ

Перевод М. Лозинского 141

СОПЕРНИКИ

Перевод Т. Щепкиной-Куперник 225